

Фрэнсис Гордон с любовью

Мертвым не нужно воскресать. Они теперь часть земли, а землю нельзя завоевать, ибо она будет существовать вечно и переживет любого тирана. Те, кто ушел в нее с честью — а ни один человек не ушел в нее с большей честью, чем те, кто умер в Испании, — уже обрели бессмертие.

Хемингуэй Э.

ГЛАВА 1

Памплона, Испания, 1976 г.

«Если план провалится, мы все умрем». Он в последний раз мысленно прошелся по всем пунктам в попытке проанализировать, обдумать и обнаружить слабые места, но не нашел ни одного. План был дерзкий, требовал предельного внимания и выверенности до секунды. Если все получится, победа будет поистине впечатляющей, достойной великого Эль Сиды*.

В противном случае...

«Впрочем, поздно терзаться сомнениями, — философски решил Хайме Миро. — Пришло время действовать». Шести футов ростом, с решительным умным лицом, мускулистой фигурой и задумчивыми темными глазами, Хайме Миро слыл легендой, был героем для басков и анафемой для испанского правительства. Те, кто с ним сталкивался, были склонны преувеличивать его рост, смуглость кожи и жестокость. Он был сложным человеком, реалистом, понимал, сколь невелики его шансы на победу, и романтиком, готовым умереть за то, во что верил.

В Памплоне царило небывалое оживление. Город словно сошел с ума. Наступило последнее утро забега быков, так называемой фiestы Сан-Фермин — ежегодного праздника, проводимого обычно с 7 по 14 июля. Тридцать тысяч

* Эль Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Вивар) — кастильский дворянин, военный и политический деятель, национальный герой Испании, герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм. — *Здесь и далее примеч. пер.*

туристов со всего мира наводнили город. Одни приехали просто посмотреть на устрашающее зрелище бегущих по узким улочкам Памплоны быков, другие же вознамерились принять участие в действе и доказать собственную храбрость, попытавшись убежать от разъяренных животных. Все номера в гостиницах были забронированы задолго до празднества, поэтому студентам из университета Наварры приходилось располагаться на ночлег на ступенях домов, в вестибюлях банков, автомобилях, на площадях и улицах города.

Туристы заполнили кафе и гостиницы, чтобы увидеть шумные красочные шествия огромных фигур из папье-маше и послушать выступления уличных оркестров. Облачение участников парада состояло из фиолетовых накидок с капюшонами зеленого, гранатового или золотистого цветов. Процессии растекались по улицам подобно радужным рекам. Взрывающиеся на столбах и проводах трамвайных путей петарды лишь добавляли шума и неразберихи.

Толпы людей собрались для того, чтобы поприсутствовать на вечерних боях быков, но самым зрелищным действием оставалось энсьерро — утренний забег быков, коим предстояло участвовать в боях вечером. Накануне за десять минут до полуночи на темных улицах в нижней части города появились быки. Их выпустили из загонов, чтобы переправить по мосту через реку в другой загон в конце улицы Санто-Доминго, где они должны были провести ночь. Потру они вновь обретут свободу, чтобы пуститься по узкой Санто-Доминго, огороженной на каждом углу деревянными заборами. Пробежав по улице, они окажутся в загоне на площади Хемингуэя, где и останутся до начала вечерних боев.

Слишком возбужденные, чтобы заснуть, наводнившие город туристы пили вино, распевали песни и занимались любовью. Так продолжалось с полуночи и до шести часов утра. На шеях участников забега красовались алые шарфы с изображением святого Фермина. Утром, без четверти шесть, по улицам двинулись оркестры, исполняющие волнующую душу музыку Наварры. Ровно в семь часов утра

в воздух взмыла сигнальная ракета, возвестившая о том, что ворота загона открыты. Толпы зрителей замерли в лихорадочном предвкушении. Спустя мгновение небо осветила вторая ракета. На сей раз она предупреждала город о том, что быки начали свой забег.

Последовавшее за этим зрелище было поистине незабываемым. Сначала послышался звук. Тихий, едва различимый, напоминавший отдаленный шум ветра, он становился все громче и, наконец, взорвался грохотом копыт внезапно возникших перед взорами зрителей шести волов и шести огромных быков. Весом в пятнадцать сотен фунтов каждый, они неслись по улице Санто-Доминго подобно смертоносному поезду. За деревянными барьерами, что перекрывали примыкавшие к Санто-Доминго улочки и переулки, толпились сотни взволнованных, дрожащих от нетерпения молодых людей, вознамерившихся продемонстрировать собственную храбрость, оказавшись на пути у рассвирепевших животных.

Быки неслись с дальнего конца улицы мимо Эстафеты и Де Хавьер, мимо аптек, закрытых магазинов и фруктовых рынков к площади Хемингуэя, сопровождаемыми криками «оле!» ошалевшей от возбуждения толпы. Едва быки приближались, зрители в отчаянии пытались спастись от острых рогов и смертоносных копыт. Внезапное осознание приближающейся смерти заставляло участников забега искать спасения в подъездах домов и на пожарных лестницах. Их сопровождали насмешливые возгласы «Cobardon!»*. Тех, кто спотыкался и падал на пути у быков, быстро отгаскивали в сторону.

Маленький мальчик и его дедушка стояли за ограждением, затаив дыхание от волнения при виде разворачивавшегося в паре футов от них действия.

— Ты только погляди! — воскликнул старик. — Magnifico!**

* Трус! (*исп.*)

** Великолепно! (*исп.*)

Мальчик вздрогнул.

— Tengo miedo, Abuelo*.

Старик обнял мальчика за плечи:

— Si, Manolo. Выглядит пугающе. Но в то же время великолепно. Однажды я тоже принимал участие в забеге. Ничто с этим не сравнится. Ты встречаешься лицом к лицу со смертью и чувствуешь себя настоящим мужчиной.

Как правило, животным требовалось всего две минуты, чтобы преодолеть девять сотен ярдов улицы Санто-Доминго и оказаться в загоне на арене. Как только ворота загона закрывались за ними, в небо взмывала третья ракета. Однако в тот день этому не суждено было случиться, поскольку произошло нечто такое, с чем Памплона не сталкивалась ни разу за всю четырехсотлетнюю историю забега быков.

Когда быки неслись по узкой улице, полдюжины мужчин, разодетых в яркие праздничные костюмы, отодвинули деревянные ограждения, и быки, свернув с отведенной для забега Санто-Доминго, вырвались на свободу и ринулись в центр города. В мгновение ока веселый праздник обернулся кошмаром. Разъяренные животные врезались в толпу ошеломленных зрителей. Мальчик и его дедушка нашли смерть одними из первых, сбитые с ног и растоптанные быками. Смертоносные рога вонзились в детскую коляску, убив младенца и сбив с ног его мать, которая тут же была раздавлена. Повсюду в воздухе витала смерть. Животные набрасывались на беспомощных зрителей, валили на землю женщин и детей, пронзали своими жуткими длинными рогами прохожих, сметали лотки с продуктами, статуи, всех и вся, кто, на беду, оказался у них на пути. Кричавшие от ужаса люди в отчаянии пытались спастись от несших смерть чудовищ.

Внезапно на пути быков возник ярко-красный грузовик, и они, повернув к нему, понеслись вниз по улице Де Эстрелла, что вела к городской тюрьме Памплоны.

* Мне страшно, дедушка (*исп.*).

Тюрьма представляла собой мрачное двухэтажное здание из камня с толстыми решетками на окнах. На каждом из четырех его углов возвышались башенки, а над дверью развевался красно-желтый испанский флаг. Каменные ворота вели в небольшой дворик. На втором этаже здания располагались камеры, в которых содержались приговоренные к смертной казни заключенные. Здоровенный охранник в форме полиции, вооруженный автоматом, вел по коридору второго этажа священника, облаченного в простую черную сутану.

Заметив вопрос в глазах священника, бросившего взгляд на автомат, охранник пояснил:

— Осторожность никогда не помешает, падре. Ведь на этом этаже сидят самые отъявленные подонки.

С этими словами охранник указал священнику на металлоискатель вроде тех, что устанавливают в аэропортах.

— Мне жаль, падре, но таков уж порядок...

— Конечно, сын мой.

Когда священник прошел через рамку, тишину коридора прорезал визг сирены. Охранник инстинктивно сжал приклад автомата, но священник, обернувшись к нему, улыбнулся и произнес, снимая с шеи тяжелый металлический крест на серебряной цепочке:

— Моя оплошность.

Во второй раз рамка не издала ни звука. Охранник вернул крест священнику, и вместе они продолжили путь в недра городской тюрьмы. В разделявшем камеры коридоре стояла невыносимая вонь.

— По мне, вы лишь зря теряете здесь время, падре, — философски протянул охранник. — У этих животных нет души, которую можно было бы спасти.

— И все же мы должны попытаться, сын мой.

Охранник покачал головой:

— Говорю вам: врата ада уже давно распахнуты для обоих.

Священник с удивлением посмотрел на охранника:

— Для обоих? Мне сказали, исповедаться желают трое.

Охранник пожал плечами:

— Мы сэкономили вам немного времени. Самора умер сегодня утром в изоляторе. Сердечный приступ.

Мужчины подошли к двум самым дальним камерам.

— Пришли, падре.

Охранник отпер дверь и осторожно отошел в сторону, когда священник вошел внутрь. Заперев за ним камеру, он остался в коридоре, готовый мгновенно прийти на помощь. Священник подошел к человеку, лежавшему на грязной тюремной койке.

— Как тебя зовут, сын мой?

— Рикардо Мельядо.

Священник посмотрел на заключенного, но понять, как он выглядел, было невозможно. Его покрытое кровотокащими ранами лицо настолько распухло, что глаза почти закрылись. С трудом разлепив разбитые губы, несчастный произнес:

— Я рад, что вы смогли прийти, падре.

— Церковь считает своим долгом спасение твоей души, сын мой.

— Сегодня утром меня повесят?

Священник мягко похлопал заключенного по плечу:

— Тебя приговорили к казни гарротой*.

Рикардо Мельядо вскинул голову:

— Нет!

— Мне жаль. Приказ отдан самим премьер-министром.

После этого священник положил руку на голову заключенного и произнес нараспев:

— Dime tus pecados...**

— Я много грешил в мыслях и деяниях и теперь всем сердцем раскаиваюсь в этом, — ответил Рикардо Мельядо.

* Орудие казни удушением; представляет собой металлический обруч, который приводится в движение винтом с рычагом.

** Поведай мне свои грехи (*исп.*).

— Ruego a nuestro Padre celestial por la salvacion de tu alma. En el nombre del Padre, del Hijo y del Espiritu Santo...*

Прислушивавшийся к происходящему в камере охранник думал про себя: «Что за неразумная трата времени. Господу на него плевать».

Священник закончил исповедь:

— Adios**, сын мой. Да примет Господь твою душу с миром.

Священник подошел к двери, охранник отпер ее, направив дуло автомата на заключенного и выпустив священника в коридор. Вновь заперев дверь на ключ, охранник подошел к следующей камере и открыл ее.

— Он ваш, падре.

Священник переступил порог. Находившийся в камере заключенный тоже подвергался избиениям. Священник с минуту смотрел на него.

— Как тебя зовут, сын мой?

— Феликс Карпио.

Заключенный оказался крепким мужчиной со свежим синевато-багровым шрамом на лице, который не могла скрыть даже густая борода.

— Я не боюсь смерти, падре.

— Это хорошо, сын мой. Ибо никого из нас она не обойдет стороной.

Пока священник выслушивал исповедь Карпио, до слуха находящихся в здании донесся какой-то шум. Приглушенный вначале, он становился все громче и отчетливее. Вскоре можно было различить грохот копыт и испуганные крики. Охранник прислушался, на его лице отразилось беспокойство.

— Вам лучше поторопиться, падре. На улице происходит что-то странное.

* Я молюсь нашему Небесному Отцу о спасении твоей души. Во имя Отца, Сына и Святого Духа (*исп.*).

** Прощай (*исп.*).

— Я закончил.

Охранник быстро отпер дверь камеры, а когда священник вышел в коридор, повернул ключ в замке. В этот самый момент снаружи у главного входа в здание раздался страшный грохот.

— Что это за шум, черт возьми? — спросил страж, посмотрев в узкое зарешеченное окно.

— Похоже, кто-то просит у нас аудиенции, — ответил священник. — Могу я позаимствовать у вас это?

— Что именно?

— Ваше оружие, *rog favor**.

С этими словами священник почти вплотную подошел к охраннику, бесшумно отделил верхнюю часть массивного креста, висевшего на шее, обнажив длинное обоюдоострое лезвие спрятанного в нем стилета, и молниеносным движением вонзил его в грудь стража.

— Видишь ли, сын мой, Господь и я решили, что оружие тебе больше не понадобится. *In Nomine Pater***, — набожно перекрестившись, произнес Хайме Миро, забирая автомат из рук умирающего.

Охранник рухнул на цементный пол. Забрав у него ключи, Хайме Миро быстро отпер двери обеих камер и скомандовал:

— Пошевеливайтесь!

Шум на улице становился все громче.

Рикардо Мельядо забрал у него автомат и попытался растянуть в улыбке распухшие губы.

— Из тебя получился чертовски хороший священник, даже я почти поверил.

— Изрядно они вас отделали. Но ничего: они за это заплатят.

Обхватив товарищей за плечи, Хайме помог им дойти до конца коридора.

* Пожалуйста (*исп.*).

** Во имя Отца (*лат.*).

— Что случилось с Саморой?

— Охранники забили его до смерти. Мы слышали его крики. Они увели его в изолятор, а потом сказали, что он умер от сердечного приступа.

Впереди показалась запертая железная дверь.

— Подождите здесь.

Он подошел к двери и обратился к стоявшему за ней охраннику:

— Я закончил.

Дверь открылась.

— Вам лучше поспешить, падре. На улице, похоже, беспорядки...

Однако фразу закончить ему было не суждено: изо рта охранника хлынула кровь, когда в грудь ему вонзился стилет.

Хайме махнул заключенным.

— За мной.

Феликс Карпио забрал оружие охранника, и все вместе они начали спускаться по лестнице. За стенами тюрьмы царил настоящий хаос. Вокруг носились полицейские, пытаясь понять, что происходит, и разобраться с вопившей от ужаса толпой, ринувшейся на тюремный двор в поисках спасения от обезумевших животных. Один из быков бросился к зданию, разгромив каменный вход, второй терзал тело упавшего на землю охранника.

Во дворе стоял красный грузовик с работающим мотором. Из-за царившей вокруг суматохи бывшие заключенные прошли через двор практически незамеченными, а те, кто все же обратил на них внимание, были слишком заняты спасением собственной жизни, чтобы что-то предпринять. Не говоря ни слова, Хайме и его товарищи запрыгнули в грузовик, и тот рванул с места и понесся по улицам, распугивая толпы народа.

Представители гражданской гвардии — военизированного полицейского формирования — облаченные в зеленую униформу и шляпы из лакированной черной кожи,